

Карина Залялутдинова

Антарктида

Карина Радиковна Залялутдинова

Антарктида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28948584

SelfPub; 2018

Аннотация

Антарктида – интригующее и завораживающее место. Антарктида кажется неприветливой своей ослепляющей белизной и тяжелым климатом. Но это лишь на первый взгляд... Вскоре студенту Диме придется окунуться в недружелюбную белизну этого континента. Сможет ли он понять красоту безмолвной земли Антарктиды?

Антарктида

– Пристегните ремни. Наш самолет совершает посадку на аэродроме полярной станции «Прогресс», – объявил нежный голос стюардессы. Как же ее голос был похож на голос Юли! Моей Юли. Я вспомнил ее опухшие глаза, дрожащие от слез губы, ее прощальные слова в аэропорту. Мне стало жарко. – Температура за бортом -11°C , – от этих слов меня передернуло.

«А сколько, интересно, градусов в Москве? Один, может, два?» – думал я, смотря в иллюминатор самолета. Огромные глыбы льда, неуклюже торчащие из-под воды, враждебно глядели на меня.

С аэродрома до самой станции полярников доставляет вездеход.

– А что, вертолета не будет? – задал я вполне логичный вопрос, хотя заранее знал ответ.

– А ты что, президент? – с усмешкой ответил мой новоиспеченный знакомый, полярник со стажем Андрей Михайлович Рубахин. – Не бойсь, Митька, – он дружески положил свою руку мне на плечо, – не замерзнешь!

Я слабо улыбнулся.

Перед моими глазами простиралась огромная заснеженная пустыня с протоптанными дорожками для техники и транспорта. Просторы окрестности завораживали своей белизной и бесплодностью. Ветерок тихонько перемещал сухие крупички снега по аэродрому. Очень легко почувствовать

себя одиноким, глядя на такие пейзажи. Повернув голову направо, я увидел темно-синюю гладь океана с белыми айсбергами. Их вершины неаккуратно и неумело, будто маникюрными ножницами, разрезали поверхность океана, делая кривые надрезы по белому картону снега.

Полярники погрузились на вездеходы. Я никак не предполагал, что вездеход – это машина без крыши. Впрочем, как только она завелась, я сразу догадался, что это – наш родной, отечественный автопром. Я моментально вспомнил отцовский старенький УАЗик. На душе стало чуточку теплее.

По дороге на станцию нам встречались высокие глыбы, правда, уже не ледяные, а песчаные. Нас угрюмо приветствовал темный оазис Холмы Ларсеманн. Меня это несколько удивило: земля посреди ледника. Странно, что после этого я считаю себя ученым. Вскоре между песчаными холмами с одной стороны и холодным океаном с другой стали выглядывать яркие двухэтажные коробки. Это и была новенькая станция «Прогресс».

На кампусе нас уже ждали другие полярники: кто-то с чемоданами, кто-то без. Многие сотрудники станции сегодня начнут свой долгий путь домой, где их с нетерпением ждут родные и близкие.

Меня обдало теплым воздухом помещения, щеки обветрились и стали пылать.

– Николай Степаныч! – крикнул с порога Рубахин и стал радостно пожимать руку улыбающемуся в ответ мужчине, –

Здарова! Боже, как рад Вас видеть! Мне говорили, что в мою вахту Вы начальником будете, – он тряс руку мужчины, обхватив ее уже двумя руками. – А вот, познакомьтесь, – Рубахин указал на меня, – это то самое светило современной науки, студентик наш, Митька.

–А, Дмитрий Саныч, – мужчина протянул мне руку. – Николай Степанович Поляков, рад знакомству. Нам много про Вас говорили. Распределение – штука веселая, – Поляков улыбнулся с воодушевлением. Я усмехнулся, вложив в это действие все свое сожаление.

После краткой экскурсии по кампусу, где мне продемонстрировали спортзал, кухню, лаборатории, меня оставили наедине в моей комнатке. Она была небольшая, зато одноступенчатая и с доступом в Интернет. Из окна простирался вид на клочок земли и огромное бескрайнее небо, кое-где разорванное верхушками белесых скал. Кто-то, держа удочку в руке, возвращался с рыбалки. Тусклый диск солнца уже клонился к линии горизонта.

К ужину полярники, чья смена еще не окончена, собрались в столовой. Это уютненькое помещенье сразу напомнило мне студенческий кафетерий. Мы с Юлей всегда сидели у окна. Увидев знакомые лица Полякова и Рубахина, сидевших за столиком, я подсел к ним. Рубахин о чем-то горячо рассказывал начальнику станции и активно жестикулировал.

Меню на ужин у полярников довольно богатое, если учитывать, что мы находимся на леднике, вдали от цивилиза-

ции. И только после трапезы я вдруг ощутил, что где-то здесь был подвох:

– Подождите, – с недоумением вымолвил я, – это что, китайцы за тем столиком сидят?

– Где? – отозвался Рубахин.

– Да вот же.

– А, это наши коллеги с китайской станции, – улыбнулся Поляков.

– Тут китайская станция неподалеку. Они к нам иногда приходят, мы – к ним. У них на станции целый городок, но, что еще важнее, крайне быстрый Интернет. Если хочешь, можем сходить туда вечером как-нибудь.

– Андрей Михалыч, Вы вообще работать собираетесь? – Поляков улыбнулся и отрицательно закачал головой.

– Конечно, – заверил его Рубахин. – Первым делом самолеты, а девушки потом.

– А так можно? – удивился я. – Ну, ходить к китайцам на станцию.

– Официально нет, но, если не утонешь в сугробе и не потеряешься по дороге, то можно, – просто ответил Поляков.

Поговорив немного с китайскими коллегами на английском (сквозь китайский акцент непросто понять значение английских слов), я, разочарованный своим знанием языка, ушел спать. По дороге меня поймал начальник станции и торжественно объявил, что завтра я должен слетать на «Дружную-4». Дело в том, что помимо основных станций, в

Антарктиде есть целая сеть полевых баз. «Дружная-4» как раз и являлась одной из них.

«Ну, хотя бы на вертолете полетаю», – с этой мыслью я и уснул.

На утро я, сонный, в самом скверном расположении духа, выглянул в окно. О чудо! Пингвин! Его черная спинка и беленький животик быстро и неуклюже перемещались по камням метрах в 120 от кампуса. Стая мужиков в черных куртках бежала следом за ним. Я оделся на скорую руку, схватил фотоаппарат и выскочил на улицу. Примкнув к стае воодушевленных полярников, я тоже стал восторженно разглядывать пингвина, которому было явно некомфортно бежать по оазису.

– Пингвина руками не трогать! – прокричал главный зоолог станции, Владимир Чайкин.

Мне показалось, что пингвин был шокирован от такого количества внимания и шума. Он стал гоготать, на что получил логичный вопрос: «Зачем ругаешься, Вася?».

Через некоторое время интерес к пингвину остыл, и полярники отправились на завтрак. А я получил уникальную возможность сфотографировать животное. И еще полчаса проползал на животе перед пингвином в поисках удачного кадра.

Мне повезло, Вася был в хорошем настроении. Он с удовольствием махал крыльями и гоготал. Белые, с большими черными зрачками глазки внимательно осматривали меня.

Его белое пузико приятно отражало солнечный свет. Уже неторопливо, но по-прежнему неуклюже перебирая оранжевыми лапками, пингвин добрался до места, покрытого снегом, лег на живот и покатился в сторону океана.

Во время фотоохоты я совсем не заметил, что руки мои замерзли без перчаток, а куртка была вся мокрая. На завтрак я не успел, и почти сразу отправился вертолетом на «Дружную» в самом прекрасном расположении духа.

Как оказалось, на «Дружной» жили в основном геологи, еще геологи и их друзья-геологи. Однако большое скопление геологов обоснованно. В недрах Антарктиды находится множество полезных ископаемых. Ученые ведут исследование древнейших континентальных морен, осадков на дне антарктических вод.

Садясь в вертолет, я вдруг вспомнил, что не написал сообщение Юле о прибытии. Она, наверное, волнуется. От моего хорошего настроения осталась лишь яркая картинка пингвина в моей голове. Я понял, что жутко скучал по ней все это время. Даже когда ползал за пингвином. Особенно когда ползал за пингвином.

Вечером я уже был в своей комнате на «Прогрессе» и собирался написать Юле. Я уже открыл ноутбук, налил чаю, размял пальцы и взглянул в окно, чтобы собраться с мыслями. Начиналась метель. Вихри снега кружили у берегов. Небо стало серым. Кто-то поспешно собирал установки и вещи, оставленные на улице. Я был рад, что нахожусь в своем

теплом уголочке.

«Я собираюсь писать емейл. Что дальше? Аська? Телеграф? Голубь?» – за окном птица отчаянно махала крыльями, но сдвинуться с места у нее не получалась. «Нет, голубь не долетит», – я начал письмо.

Вдруг раздался громкий стук. Рубахин открыл дверь и вошел.

– Ну что, как ты? Как поездка? – озабоченно спросил он и уселся на мою кровать.

– Нормально, – устало выговорил я. – На Дружной одни геологи сидят. Я, конечно, их послушал и даже что-то понял, но я не особо этим интересуюсь.

– Как это ты не интересуешься? – его лицо вытянулось от изумления, – А ты вообще кто? Геолог или так, журналист из бесплатной газеты?

– Я гидрогеолог. *Гидро* значит *жидкость*. А мне все про песок какой-то рассказывали. Ну, хоть покормили, спасибо и на этом, – я активно размахивал руками.

– Погоди, нам говорили, что геолог приедет. Ну-ка пошли к начальству!

Я бросил письмо на половине слова.

Как оказалось, с моими документами произошла какая-то путаница. В чем ее причина, я так и не понял.

На следующее утро, за завтраком, Поляков мне торжественно объявил, что на «Прогрессе» делать мне абсолютно нечего. Понимая, к чему ведет такой разговор, я всеми си-

лами пытался переубедить начальника станции, но он был непреклонен и отчасти прав. Было решено отправить меня на «Восток», полярную станцию в глубине материка. Услышав это, я приуныл.

– Да не вешай нос, дружище! – подбадривал меня Рубахин. – Там не так уж и плохо. Ну, немного холодно.

Я усмехнулся. «Ага, немного холодно», – передразнивал я Рубахина в своей голове, – «-57 градусов, это еще в лучшем случае».

Рубахин, кажется, угадал мои мысли.

– Зато там есть *женщина!* – он поднял указательный палец вверх и многозначительно на меня посмотрел.

Тут я понял, что на «Прогрессе» не было ни одной женщины.

Через несколько дней, когда метель совсем стихла, я отправился с некоторыми другими полярниками на «Восток». Там я должен был провести две недели. Казалось бы, срок крайне малый, учитывая, что людям требуется время, чтобы адаптироваться, но полярные медики решили не рисковать. Однако никто не мог дать мне никаких гарантий.

Перед отъездом со станции «Прогресс» я успел-таки отправить письмо Юле и прикрепил к нему фото пингвина. В сообщении я старался быть максимально оптимистичным, потому что знал, Юля очень волнуется за меня.

Когда мы приземлились на аэродроме станции «Восток», опытные полярники стали торопить меня и поспешно выгру-

жаться из вертолета. Задерживаться надолго нельзя, иначе вертолет примерзнет и останется до ноября.

Выйдя на аэродром, я почувствовал запах Антарктиды. Его невозможно с чем-то сравнить. Это запах холода, запах дикой природы, которая не желает покориться человеку. Вокруг меня был только белый снег, отражавший лучи солнца, и горизонт – больше никаких ориентиров. Никаких животных тоже не было ни на станции, ни по дороге к ней.

Солнце уже клонилось к горизонту. Скоро начнется полярная ночь, которая будет длиться три-четыре месяца. Надеюсь, к этому времени я успею вернуться на «Прогресс» (там небесное светило работает в штатном режиме). Я тяжело дышал. Станция находится на возвышенности, поэтому воздух здесь разряженный. У многих начинается горная болезнь.

На «Востоке» нас встретил начальник станции. Он отвел меня к какой-то дырке с гордым названием на деревянной доске «Ул. Соляника».

«Это что, шутка?» – подумал я.

Оказалось, это не дырка, а сложная система тоннелей под сугробом. А названа она в честь магнитолога Владимира Соляника, который сам и вырыл этот тоннель, причем за одну зимовку. Внутри тоннеля поддерживается постоянная температура в -50 градусов. По словам начальника станции, в -80 полярники тут даже греются. Я искренне верил, что проверять его слова мне не придется. Внутри, на перекрестке,

стоит чей-то бюст.

Тоннели соединяют два самых главных корпуса станции: жилой и ДЭС (дизель-электростанция). ДЭС – это сердце станции, именно благодаря ей возможна деятельность ученых на «Востоке», именно от нее и зависит, выживут они завтра или окажутся на волосок от смерти.

Вечером погода была теплой (мне так не показалось), и начальник станции, Василий Петрович Локтев, решил пожарить шашлык на улице.

–Если не мерзнет водка, значит, пожарить шашлык на улице можно, – таков был его приговор. Однако ели мы его все равно внутри, слишком холодно.

За ужином я столкнулся с очередной проблемой. Воды на станции более чем достаточно, ведь вокруг только снег и лед. Дело в том, что подобная вода слишком пресная, ей трудно напиться.

После ужина у полярников было немного свободного времени. Мы смотрели единственный канал по телевидению и играли в бильярд. Единственная женщина станции, Анна Павловна, врач-исследователь, играла на синтезаторе (сказать, что я был удивлен– ничего не сказать). Однако насладиться этой идиллией я не смог. Из-за сурового климата чувствовал я себя крайне паршиво, поэтому пошел спать пораньше.

Ночью я постоянно просыпался из-за нехватки кислорода. Чувство не из приятных.

Утром солнце неохотно светило своими закатными лучами. Я почти всегда носил темные очки. Антарктида – уникальное место, где можно одновременно получить ожог и охлаждение.

Главной причиной, по которой меня отправили на «Восток», является карстовое озеро Восток, которое находится под станцией на глубине четырех километров. Бурили такое количество льда около 30 лет.

Выйдя на улицу, я вновь ощутил эту безжизненность Антарктиды. В небе не летали птицы, рядом не шумел океан, даже пингвинов здесь не было. Только непрерывная линия горизонта.

Добравшись до лаборатории, я включил свет. На сегодня был запланирован анализ полутора сотен образцов ледового керна, поднятых с разных глубин суровыми бурильщиками. Пробы предстояло анализировать на тяжёлые металлы, радионуклеиды, да по сути на всё подряд – любые данные этих анализов могли дать понимание того, что происходило на Земле в конкретный период времени. Конечно, с этой работой легко бы справился современный хроматограф, но, во-первых, его очень сложно сюда доставить, а во-вторых, его обслуживанием занимаются специальные настройщики, не горящие желанием слетать в командировку на южный полюс. Слегка удручённый таким положением дел, я со вздохом достал из ящика первый на сегодня образец.

В лаборатории вместе со мной трудился мой наставник,

гидрогеолог и полярник с огромным стажем, Анатолий Васильевич Лобызятников. Он часто помогал мне, объяснял, откуда берется та или иная цифра. Одним словом, мудро курировал мою деятельность. Но за что я любил его больше всего, так это за то, что Анатолий Васильевич частенько отпускал меня пораньше из лаборатории.

В субботу вечером я решил проверить почту и обнаружил там письмо от Юли. Естественно, она была потрясена моей отправкой на «Восток». Теперь она стала переживать за меня еще больше. К моему удивлению, Юля совсем не оценила фото пингвина. Тут я понял, что для Юли эти снимки значат не многим больше других картинок пингвинов из Интернета, она не ползала на животе в поисках идеального кадра, она не проталкивалась сквозь толпу полярников, которым тоже хотелось взглянуть на птицу, она не мерзла на материке, находящемся на самом краю Земли. От этих мыслей я полюбил эти фотографии еще сильнее.

***

Каждую неделю полярники устраивают банный день. Для такого события на станцию специально присылают веники.

Парилка вмещает трех человек, поэтому полярники моются строго по расписанию.

– Может, в «Клуб 200»? – спросил радист Кирилл Максимов у начальника станции, когда мы сидели в парилке.

– Не-е, – поморщился Локтев, – сегодня тепло слишком.

– Да ну, Димку-то в полярники посвятить надо! – восклик-

нул Максимов, кивая головой в мою сторону.

–Аргумент, – Локтев погладил свою черную косматую бороду.

– А что такое «Клуб 200»? – поинтересовался я.

–Сейчас узнаешь!

Не знаю, как это произошло, но через пару мгновений я лежал голышом в сугробе снега, Максимов кидался в меня снежками, а начальник станции с блаженной улыбкой медленно выговаривал слово «хорошо». Как оказалось, «Клуб 200» – это давняя традиция восточных полярников. Суть ее заключается в том, что после горячей бани, где температура достигает 120 градусов, человек должен выбежать на улицу, где температура уже -80 градусов. Разница температур как раз и составляет 200 градусов. Меня заверили, что подобные мероприятия повышают иммунитет выживших.

Через две недели после моего прибытия на «Восток» прилетел вертолет. Это последний вертолет, который прилетит на станцию, перед долгой зимовкой. Полярники будут находиться практически в полной изоляции от внешнего мира.

Вертолет привез топливо, немного еды, но, конечно, главная цель его прибытия – доставить меня на «Прогресс».

Знакомые пейзажи радовали глаз. Еще вдалеке я заметил яркую желтую коробку на фоне песка и снега.

Несколько товарищей-полярников поздравили меня с приездом, но своего главного товарища я нашел рыбачащим у проруби.

–О, Митька! Здравствуй! – улыбался мне Рубахин. Весь оставшийся день я рассказывал ему о своей поездке. Кажется, я ни разу не упомянул о приступах горной болезни, о безжизненности станции и о прочих трудностях пребывания на «Востоке».

Оставшуюся неделю своей стажировки я откровенно ничего не делал и наслаждался природой южного полюса. Общался с пингвинами, и даже видел тюленя-крабоеда, в жизни не съевшего ни одного краба (они едят мелких рачков). Честно говоря, крабоедам страшно повезло, потому что люди стали убивать китов, а они являются прямыми пищевыми конкурентами крабоедов.

Завтра на станцию «Прогресс» прибудет ледокол «Академик Федоров». На нем я и поплыву домой. Наконец-то, я увижу мою Юлю. Это чувство меня, конечно, греет. Но я вынужден признаться, что буду жутко скучать по полярникам в их естественной среде обитания.

Антарктида – это уникальное место, одновременно манящее и крайне опасное. Поначалу может показаться, что здешняя природа недружелюбна и негостеприимна, но только самые сильные, стойкие и упорные смогут раскрыть для себя все прелести арктической жизни.